

Дискурс безопасности и политическая анатомия страха в эпоху «новых войн»

ФЕДОР НИКОЛАИ

Доцент, кафедра всеобщей истории, Нижегородский педагогический университет им. К. Минина (НГПУ). Адрес: 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1. E-mail: fvnik@list.ru.

Ключевые слова: «новые войны»; Мишель Фуко; биополитика; анатомия страха; дискурс безопасности; дисциплинарные практики; тактики субъективации.

Неолиберальной «правительности» принадлежит ведущая роль на современной политической сцене. Асимметричные конфликты или «новые» (гибридные, постгероические) войны восстанавливают в правах, казалось бы, оставшиеся в прошлом механизмы суверенной и дисциплинарной власти. В статье рассматриваются проблемы «палимпсеста» или специфической двойной связи этих властных практик. Они возникают последовательно, но действуют одновременно, хотя их требования могут противоречить друг другу. Между транслируемым «сверху» неолиберальным биополитическим дискурсом, армейской дисциплинарной системой и формирующимися «снизу» практиками воспроизводства суверенного насилия возникает серьезное силовое напряжение. Оно становится основой изменения тактик субъективации и десубъективации не только для комбатантов, но и для общества в целом. Мишель Фуко связывал с этим напряжением перспективы сопротивления и эманси-

пации, однако сегодня оно приводит, скорее, к реактивации весьма консервативных властных практик, прикрывающихся риторикой безопасности и исключительных обстоятельств войны с террором.

Дискурс безопасности превращает внешние угрозы во внутренние и в конечном счете переводит социальные проблемы в медико-биологическую или даже расовую плоскость. Важно подчеркнуть, что речь идет не о модернизации, но о сохранении и пересборке свойственных эпохе «модерности» стратегий. В этих условиях попытки нейтрального анализа «новых» войн с позиции академической экспертизы работают на сохранение статус-кво. Предельно актуальным поэтому представляется перенос внимания с анализа дискурса безопасности на механизмы воспроизводства жизненного опыта, тактики субъективации и выживания отдельных акторов, которые становятся основой как современной микрофизики власти, так и макрополитики, выступающей продолжением войны.

В ЦЕНТРЕ развернувшихся в 2000-е годы дискуссий о «новых», «гибридных», «постгероических» войнах¹ оказался тезис о *качественном отличии* современных миротворческих/полицейских/военных операций — их тактики, технических составляющих, мотивации участников — от предшествующих конфликтов. С другой стороны, смешение и «гибридизация» форм войны характерны не только для «постмодернистской» эпохи: колониальные захваты и антиколониальные восстания, революционные мятежи и контрреволюционные операции, гражданские войны и националистические вооруженные движения XIX–XX веков при ближайшем рассмотрении оказываются весьма гетерогенным сочетанием властных практик и военных стратегий борьбы. Проблема демаркации и определения «современности» здесь во многом совпадает с полемикой в военной антропологии и критических исследованиях терроризма, которые также оспаривают противопоставление государственной политики безопасности и совершаемого частными акторами насилия. Они проблематизируют дисциплинарное оформление дискурса «борьбы с террором» как псевдонаучной экспертизы, поставленной на службу существующему режиму знания-власти²; деконструируют различия в трактовках понятия «безопасности», выявляют их непосредственную взаимосвязь с прагматическими интересами милитаристских элит и расширяющимися практиками «управления рисками»³.

1. См., в частности: *Калдор М.* Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова, Д. Дондуковского. М.: Издательство Института Гайдара, 2015; *Murray W., Mansoor P. R.* Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. N.Y.: Cambridge University Press, 2012.
2. Например, Лиза Стампницки из Университета Шеффилда доказывает, что 80–84% участников полемики о терроризме в 1970–2000-е годы составляли не академические исследователи, а журналисты и чиновники, которые не занимались этой проблемой систематически, но публиковали лишь одну статью или выступали только на одной конференции (*Stampnitzky L.* Disciplining Terror: How Experts Invented “Terrorism”. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 46).
3. Подробнее см., в частности: *Peoples C., Vaughan-Williams N.* Critical Security Studies: An Introduction. L.; N.Y.: Routledge, 2010; *Shepherd L.* Critical Approaches to Security: An Introduction to Theories and Methods. L.: Routledge, 2013.

Все эти векторы анализа в значительной степени продолжают идеи Мишеля Фуко, его интерес к техникам управления и микрофизике власти. Однако часто отсылки к его наследию граничат с признанием неизбежности и, следовательно, легитимности современного неолиберального менеджмента, критика политической риторики которого, по сути, ничего не меняет⁴. Такая «экспертная» позиция все реже обращается к аналитике властных практик, генерируемых не столько «сверху» (государственными институтами), сколько «снизу» (разными социальными группами и отдельными акторами). Акцент на дискурсивном уровне отодвигает на задний план вопрос о практиках существования, механизмах воспроизводства жизненного опыта и возникающих на их стыке тактиках субъективации. Свойственный этой критике социальный конструктивизм встречает отклик в самых разных направлениях гуманитарной мысли, включая культурную историю эмоций. Значительная часть ее сторонников склонна рассматривать повседневные практики через призму широких обобщающих теорий. Например, представители культурной истории страха (Джоанна Бурк, Джеффри Сколл, Питер Стернс и др.) объясняют работу сложных комплексов аффектов-ощущений-габитусов-эмоций-интересов-ценностей устойчивыми режимами социального «воспитания чувств». Так, британский социолог Фрэнк Фуреди в работе «Культура страха: мораль умеренных ожиданий и принятие рисков» (1997) доказывает, что современный рост общественных страхов во многом подменяет персональный опыт:

Сегодня многие наши страхи не связаны с личным опытом. Население западных обществ гораздо меньше знакомо с болью, страданием, болезнями и смертью, чем когда-либо прежде. И тем не менее, несмотря на беспрецедентный уровень личной безопасности, страх стал неотъемлемой и неуклонно растущей частью нашей жизни. Культура страха доминирует в западном обществе. Ее определяющей чертой стало убеждение, что человечество постоянно сталкивается с мощными разрушительными силами, которые угрожают нашему повседневному существованию⁵.

4. Как отмечает профессор Эндрю Нил из Эдинбурга, такая критика признает разделение «популярного» и «экспертного» знания, способствуя тем самым воспроизводству дискурса безопасности и расширению техник контроля (Neal A. W. *Exceptionalism and the Politics of Counter-Terrorism: Liberty, Security and the War on Terror*. L.; N.Y.: Routledge, 2010. P. 4–7).
5. Furedi F. *Culture of Fear: Risk Taking and the Morality of Low Expectation*. N.Y.; L.: Continuum, 2002. P. vii.

Большинство представителей культурной истории страха напрямую соединяют уровни социальных опасений и индивидуального опыта: политики и медиа используют алармистский дискурс для мобилизации электората, а общество стремится смягчить подобные идеологические воздействия или даже прямо им сопротивляется, апеллируя к существующим культурным традициям. Такая точка зрения предполагает возможность *рационального управления* страхом и важность его морализаторского использования. Задачей исследователя в этом контексте становится не просто деконструирование медийных и политических техник интернализации страха, но и выбор «правильной» (левой, критической) позиции в разоблачении дискурса безопасности⁶.

Однако столь линейное объяснение механизмов интернализации тревоги/страха общими культурными трендами представляется достаточно редуктивистским, ибо полностью нивелирует специфику опыта акторов и возможности микровыборов в случае нестыковки социальных фреймов. Парадоксальным образом и критические исследования безопасности, и культурная история эмоций за редким исключением⁷ останавливаются на функционировании дискурса, уделяя жизненному опыту и вариативности повседневных практик минимум внимания.

Применительно к «новым войнам» именно акцент на официальном дискурсе обуславливает тезис о принципиальном отличии современных миротворческих и «полицейских» операций (якобы ограничивающих прямое насилие, но использующих пролиферацию страха⁸) от вооруженных конфликтов прошлого. С этой точки зрения либеральная риторика безопасности в сочетании с «управлением рисками» сегодня полностью возобладала над механизмами дисциплинарной и суверенной власти («позволить жить, заставить умереть»). Однако разрыв между соответствующими типами властных практик у Фуко не так очевиден⁹. И пуб-

6. То, что конструктивистская традиция критики понятия безопасности и идеи «манипуляции страхом» двойственна, подробно разбирают Брэд Эванс и Джулиан Рид, которые, впрочем, приходят к выводу о принципиальном отличии современного общества, ориентированного на «управление рисками» через повышение «жизнестойкости» (*Evans B., Reid J. Resilient Life: The Art of Living Dangerously. Cambridge: Polity Press, 2014. P. 1–3*).

7. Примером гораздо более продуктивной позиции может выступать сборник под редакцией Яна Плампера: *Fear: Across the Disciplines / J. Plamper (ed.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012*.

8. *Duffield M. Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security. L.; N.Y.: Zed Books, 2001. P. 14*.

9. Подробнее см.: *Neal A. W. Op. cit. P. 115–116*.

ликация его лекционных курсов в 2000-х годах позволяет заново проблематизировать отношение биополитики, дисциплинарной власти и суверенного насилия в современном мире.

Как известно, для Фуко война выступает центром политики эпохи модерности *par excellence*: «политика — это война, продолженная другими средствами»¹⁰. Она формирует властные практики, определяет рамки процесса субъективации и постепенно захватывает даже тела граждан. Правовые и государственные институты не заменяют и не прекращают состояние войны, но прорастают из нее. Соответственно, либеральная биополитика XIX–XX веков не полностью сменяет суверенную власть и милитаристские дисциплинарные практики раннего Нового времени — их отношения представляют собой своеобразный палимпсест¹¹. В этом смысле, как справедливо отмечает Майкл Диллон из Ланкастерского университета, «логос войны вписан в логос мира»¹².

Безусловно, такая взаимосвязь не исключает силового напряжения между различными типами властных практик. Можно согласиться с Дидье Биго, который указывает на важность разрыва между ними у Фуко, когда речь идет о проблематизации трактовки государства как единого трансисторического целого — указании на принципиальное различие средневековых и современных техник наказания/контроля¹³. Однако там, где Фуко исследует топологии пространств власти *внутри* модерна, можно говорить, скорее, о *двойной связи* этих практик. Они возникают последовательно, но действуют одновременно; при этом их требования могут противоречить друг другу. Именно поэтому

10. Фуко М. Нужно защищать общество / Пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. С. 36. Далее он уточняет: «Именно стратегия позволяет понимать войну как метод ведения межгосударственной политики; именно тактика позволяет понимать армию как принцип, поддерживающий мир в гражданском обществе. Классический век видел рождение великой политической и военной стратегии противостояния государств экономической и демографической силе других государств, но он видел и рождение тщательно разработанной военной и политической тактики, в соответствии с которой государства осуществляют контроль над индивидуальными телами и силами» (Там же. С. 246).
11. Генеалогия «имеет дело с неразборчивыми, полустертыми, множество раз переписанными пергаменами» (Он же. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов. Минск: Красико-принт, 1996).
12. Dillon M. Security, Race and War // Foucault on Politics, Security and War / M. Dillon, A. Neal (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 170.
13. Bigo D. Security: A Field Left Fallow / J. Dillon (trans.) // Foucault on Politics, Security and War. P. 94–95.

...между функционированием тактик телесной индивидуации через дисциплину и стратегиями биополитического конструирования населения нет дисконтинуитета¹⁴.

Такая двойная связь предполагает зазор между стратегиями, интегрирующими индивидов в социальное тело, и тактиками, фрагментирующими любые общности. С одной стороны, она обеспечивает устойчивость контроля, с другой — поддерживает аффективную интенсивность, без которой ни капиталистическая политэкономия, ни армейская машина не могли бы работать. Трактовка войны и политики модерна как силовых отношений (предполагающих ресурсы сопротивления внутри существующих институтов) у Фуко объясняет их амбивалентность, включающую и сохранение расистского колониального насилия, и мощное эмансипационное движение сопротивления, как в случае военных кампаний раннего Нового времени.

Как известно, в следующих курсах лекций после «Нужно защищать общество» стремление Фуко отделить войну от служения государству и мыслить ее позитивно не получило своего развития. Частично оно нашло свое продолжение в работах Джорджо Агамбена, Джудит Батлер, Роберто Эспозито, которые, с одной стороны, демонстрировали взаимосвязь либеральной биополитики с дискурсом расовой борьбы рубежа XIX–XX веков, а с другой — подчеркивали отличие современной пролиферации стратегий выживания¹⁵ от дисциплинарных и суверенных властных практик XVII–XVIII веков. Впрочем, не стоит преувеличивать масштабы этого различия риторики безопасности и «управления рисками» — оно опирается на указанную взаимосвязь биополитического дискурса и возвращения суверенных властных практик, центром которых становится тело и его аффекты. Именно эта двойная связь позволяет говорить о «политической анатомии» страха — двусторонней работе интернализации дисциплинарных практик и активном захвате полномочий суверенной власти «снизу».

14. Reid J. Life Struggles: War, Discipline and Biopolitics in the Thought of Michel Foucault // Foucault in an Age of Terror: Essays on Biopolitics and the Defence of Society / S. Morton, S. Bygrave (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 19.

15. «В наше время решающим действием биовласти является не жизнь и не смерть, а производство модулируемого и практически бесконечного выживания» (Агамбен Д. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. С. 164).

Кроме того, фукианский анализ войны позволяет увидеть за фасадом современных военных машин (которые Жиль Делёз считает гомогенными и предельно онтологизирует) внутренние противоречия. Разумеется, их не стоит идеализировать и приравнивать к революционному сопротивлению/эмансипации. Эти противоречия связаны с нестыковкой и силовым напряжением между тактиками присвоения полномочий суверенной власти (например, широко распространенных среди солдат и офицеров «новых войн» действий «по обстоятельствам, а не по уставу»), дисциплинарными практиками (востребованными на уровне полковников и позволяющими армейской машине воспроизводить свою структуру и контролировать низовые аффекты), а также либеральной риторикой миротворческих операций и «принуждения к миру». Ведь для Фуко

...отношения власти не однозначны; они выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности, каждый из которых несет в себе опасность конфликта, борьбы и по крайней мере временного изменения соотношения сил¹⁶.

В условиях «новых войн» реактивация насильственных и дисциплинарных практик, оказывающихся в принципиальном силовом напряжении с либеральным биополитическим дискурсом «заботы о населении», ведет к пересборке тактик субъективации и десубъективации.

Весьма перспективным полем для их исследования представляется работа с российскими ветеранами локальных войн (которые, начиная с кампании в Афганистане 1979–1989 годов, можно отнести к «новым», или «гибридным») в жанре устной истории или полуформализованного интервью, включающего вопросы о способах поддержания дисциплины, страхе, наиболее сильных ощущениях, практиках выживания на войне и адаптации после ее окончания¹⁷.

16. Фуко М. Нужно защищать общество. С. 42.

17. Вопросы о структуре и формате проведения этих интервью представляют собой отдельную тему разговора. Подробнее см.: *Николаи Ф. В., Кобылин И. И.* Американские trauma studies и проблемы их транзитивности в России // Логос. 2017. Т. 25. № 5. С. 115–136. В рамках данной статьи ссылки на материалы проведенных в 2013–2018 годах интервью с российскими ветеранами локальных войн выступают скорее иллюстрацией и обозначением перспективы дальнейших исследований, чем презентацией результатов завершенного проекта.

Большинство рядовых, сержантов и младших офицеров с определенной ностальгией вспоминает о степени своей значимости на войне, ответственности и «свободе», прямо противопоставляемым «ненужности» в мирной жизни.

Борис (прапорщик, Северный Кавказ, 1995, 1999):

Мы всех, кроме командира полка, на хрен посылали. <...> Был случай, когда мы дорогу чистили, и нам семья навстречу попала — муж с женой и двое детей. Мы передали по рации, и командир нам говорит, что их, мол, убрать надо. У меня даже сержант, который это услышал, сказал: «Он что, дурак?» Так прямо и сказал. Мы им говорим: «Вон в тот лес идите и не высовывайтесь часа два. А то пехота пойдет, они разбираться, как мы, не будут».

Борис (капитан, Северный Кавказ, 1995, 1999–2000):

У нас один замполит продал чехам информацию. Мне другие офицеры говорят: давай соберем суд чести и расстреляем его. Собрались, рассмотрели дело, приговорили его к расстрелу. Тут же фэсы [представители ФСБ] приехали. Мне говорят: зачем тебе эта уголовка нужна, не лезь. Так и не дали нам его расстрелять.

Здесь принцип суверенной власти «позволить жить или заставить умереть» напрямую присваивается младшими и средними офицерами, систематически принимающими такие решения на войне и сохраняющими представления о власти как действиях суверена после возвращения домой¹⁸.

Полковники в своих интервью делают акцент на необходимости соблюдения дисциплины и слаженности взаимодействий.

Константин (полковник, Афганистан, 1982–1984):

Самое страшное на войне — это не смерть, а паника. Если кто-то скажет, что он не боится, — он врет. Я воевал, я знаю, что это такое. Да, мне было страшно, меня могли убить. Но я шел и выполнял свои обязанности.

Эта дисциплина соединяет «высокий» (политический) уровень и повседневное поддержание порядка, прагматику снабжения и выживания.

18. Обратной стороной таких властных практик становится широко распространенное ощущение фатализма и пассивности в мирной жизни (противопоставляемой военной экстраординарности).

Олег (полковник, Афганистан, 1985–1987):

Гляжу, два таких размандеванных сержанта в столовую идут — воротник расстегнут, ремень висит. Жарко им, видите ли. А дежурный капитан им ни слова не говорит. Я к нему подхожу: «Вот вы, товарищ капитан, видите — эти сержанты нагло нарушают форму одежды. Вы смотрите, какой вы большой, а я маленький. Но смотрите, как я их сейчас отрегулирую, они у меня как огурчики будут стоять...» 40 минут побеседуешь с ними — расстаешься как отец родной. «Товарищ полковник, если бы все как вы относились, то мы бы... да мы бы...» ну и так далее. <...> Сегодня он дисциплину нарушает — значит, завтра он небоготов.

Дисциплина здесь выступает как более высокий уровень власти; авторитет зарабатывает такой командир полка или начальник штаба, который не прибегает к физическому воздействию на подчиненных, но систематически их контролирует, пусть даже занудно и формализованно, — «человек-устав» (Алексей, лейтенант, Афганистан, 1982–1984).

Биополитический дискурс почти не присутствует в высказываниях комбатантов. Он возникает в крайне редких интервью «советников», в чьи функции входило распределение гуманитарной помощи, пропаганда среди местного населения, помощь при строительстве гражданских объектов, взаимодействие с местными органами власти.

Николай (капитан, инструктор отдела спецпропаганды и работы среди населения, Афганистан, 1987–1989):

Я всю жизнь старался на службе физическое воздействие к младшим по званию не применять. Наша колонна шла из Кундуза на Талукан. Август, уже второй урожай собрали в скирды. Едем спокойно, нас никто не трогает. И вдруг слышу — сзади очередь. Оглядываюсь — трассерами по такой скирде со снопами. Вших — и все это сгорело. Потом уже остановились, нашел я этого отморозка. «Да что вы, товарищ капитан, да что я сделал — это же духи!» Я говорю: «Ты сейчас лишил хлебужка несколько семей. Им надо детей кормить. А завтра он возьмет у душмана мину и подложит под твой БТР. И не ты погибнешь, так твои друзья погибнут...» Были такие отморозки. Ну, есть такие люди — они везде есть. А тут ему дали оружие, и все боевое, и все стреляет! Власть! А мозги еще недоразвитые. Вот тут я не выдержал...

Соотнесение заботы о жизни своих подчиненных и жизни местного населения (предельно ориентализируемого солдатами и младшими офицерами) нехарактерно для других категорий ветеранов и вызывает их возражения и недовольство.

Нестыковка этих практик — присвоения полномочий суверенной власти, поддержания дисциплины, прагматики обеспечения безопасности (как своего «контингента», так и гражданского населения) — порождает существенные разногласия: сержанты и лейтенанты очень не любят «штабных» и всячески это демонстрируют; и те и другие критически комментируют вопросы о взаимодействии с местными органами власти и населением. Как уже было отмечено, эти разногласия не стоит рассматривать как основу возможного «низового сопротивления». Речь идет именно о зазоре между властными практиками разных типов, создающем пространство для тактик субъективации или десубъективации. Чаще всего эти тактики оказываются достаточно традиционалистскими и предполагают «возвращение» к идеалистически описываемому прошлому («семейным ценностям», «фронтальному братству», социальной справедливости, которая приписывалась советскому обществу). Но встречаются и более перформативные схемы: стремление описать свой опыт в мемуарах и художественных текстах, связанные с организацией локальных музеев или сообществ коммеморативные практики, отказ от дальнейшей службы и проблематизация политических решений о начале военных действий¹⁹. Весьма показательным в этом контексте представляется также стремление к артикуляции специфических физических ощущений и аффективных реакций на военный опыт, присутствующее во всех интервью комбатантов.

Виктор (сержант, Северный Кавказ, 2000–2001):

Как по мне, на войне все *мерзко* [здесь и далее курсив мой. — Ф. Н.].

Александр М. (сержант, Северный Кавказ, 2004–2008):

Страшна вся война. Каждый новый день *тяжел* особенно в моральном плане, потому что никогда не знаешь, что он готовит, что следует ожидать, вернешься с задания или нет. Особенно тяжело переживать гибель товарищей и первые смерти, происходящие на твоих глазах.

Александр Ш. (сержант, Северный Кавказ, 2000):

Тяжело было и физически, и морально.

19. Александр (старший лейтенант, Северный Кавказ, 1999–2000): «Лично я считаю, что война была не нужна. Это было неправильное решение». Борис (прапорщик, Северный Кавказ, 1995, 1999): «Я считаю, правильно говорят: войны начинают политики, а заканчивают простые солдаты».

Одна из наиболее актуальных задач при исследовании «новых войн» — проследить весь спектр взаимосвязи аффектов-ощущений-габитусов-эмоций-интересов-ценностей как основы микрофизики властных практик и тактик субъективации²⁰. Именно на местах подобных стыков возникают гибридные идентичности, дающие наиболее интересные свидетельства пограничного опыта и позволяющие раскрыть (феноменологически или критически) актуальные механизмы согласования властных практик.

Эту масштабную задачу невозможно решить на уровне анализа отдельных высказываний комбатантов: она требует серьезного социально-антропологического анализа, выходящего далеко за рамки данной статьи. Принципиально важным шагом в этом направлении становится отказ от маргинализации «новых войн», от рассмотрения их как исключения в контексте общей динамики демократизации политических отношений модерна. Фуко напоминает нам, что

... войну нельзя заковать, что закон — не способ примирения, ибо в присутствии закона война продолжает свирепствовать внутри всех, даже самых упорядоченных институтов власти²¹.

Его лекции задают концептуальную оптику, позволяющую выйти за рамки социального конструктивизма культурной истории страха, критических исследований безопасности или дискурса «контр-терроризма». Также их принципиальной особенностью становится установка на проблематизацию позиции исследователя — вовлеченности «экспертного» знания во властные практики.

В этом контексте тезис о сокращении прямого насилия в «новых войнах» легитимирует реактивацию суверенных и дисциплинарных властных практик (прикрывающихся дискурсом безопасности и исключительных обстоятельств войны с террором). Благодаря нагнетанию страха дискурс войны превращает внешние угрозы во внутренние и в конечном счете переводит социальные проблемы в медико-биологическую плоскость. Важно подчеркнуть, что речь идет не о *де*-модернизации, но о сохранении и пе-

20. Наиболее удачными примерами в этом отношении можно считать работы Кеннета Маклиша, акцентирующего уровень аффектов, и Зои Вул, использующей понятия «столкновения» и «экстра/ординарности» военного опыта (MacLeish K. Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community. Princeton: Princeton University Press, 2013; Wool Z. After War: The Weight of Life at Walter Reed. Durham: Duke University Press, 2015).

21. Фуко М. Нужно защищать общество. С. 68.

ресборке свойственных эпохе модерности стратегий. Стремление к «управлению рисками» в рамках асимметричных конфликтов не исключает либеральный дискурс безопасности, но воспроизводит его двойную связь с практиками суверенной и дисциплинарной власти.

Библиография

- Агамбен Д. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.
- Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Николаи Ф. В., Кобылин И. И. Американские trauma studies и проблемы их транзитивности в России // Логос. 2017. Т. 25. № 5. С. 115–136.
- Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов. Минск: Красико-принт, 1996. С. 74–97.
- Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005.
- Bigo D. Security: A Field Left Fallow // Foucault on Politics, Security and War / M. Dillon, A. Neal (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 93–116.
- Dillon M. Security, Race and War // Foucault on Politics, Security and War / M. Dillon, A. Neal (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 166–196.
- Duffield M. Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security. L.; N.Y.: Zed Books, 2001.
- Evans B., Reid J. Resilient Life: The Art of Living Dangerously. Cambridge: Polity Press, 2014.
- Fear: Across the Disciplines / J. Plamper (ed.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012.
- Furedi F. Culture of Fear: Risk Taking and the Morality of Low Expectation. N.Y.; L.: Continuum, 2002.
- MacLeish K. Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community. Princeton: Princeton University Press, 2013.
- Murray W., Mansoor P. R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. N.Y.: Cambridge University Press, 2012.
- Neal A. W. Exceptionalism and the Politics of Counter-Terrorism: Liberty, Security and the War on Terror. L.; N.Y.: Routledge, 2010.
- Peoples C., Vaughan-Williams N. Critical Security Studies: An Introduction. L.; N.Y.: Routledge, 2010.
- Reid J. Life Struggles: War, Discipline and Biopolitics in the Thought of Michel Foucault // Foucault in an Age of Terror: Essays on Biopolitics and the Defence of Society / S. Morton, S. Bygrave (eds). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 14–42.
- Shepherd L. Critical Approaches to Security: An Introduction to Theories and Methods. L.: Routledge, 2013.
- Stampnitzky L. Disciplining Terror: How Experts Invented 'Terrorism'. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Wool Z. After War: The Weight of Life at Walter Reed. Durham: Duke University Press, 2015.

SECURITY DISCOURSE AND THE POLITICAL ANATOMY OF FEAR IN THE AGE OF NEW WARS

FEDOR NIKOLAI. Associate Professor, Department of General History, fvnik@list.ru. Minin University, 1 Ulianov str., 603950 Nizhny Novgorod, Russia.

Keywords: “new wars”; Michel Foucault; biopolitics; anatomy of fear; security discourse; disciplinary practices; tactics of subjectification.

A neoliberal “governmentality” lies at the center of the modern political scene. Asymmetric conflicts or “new wars” (hybrid or post-heroic wars) seemingly reassert as their right the mechanisms of sovereign and disciplinary power that have been carried over from the past. The article deals with the problems of “palimpsest” and the particular double bind between these exercises of power. They have come about consecutively but are now acting simultaneously. The friction between the neo-liberal biopolitical discourse transmitted “from above” and the military disciplinary system and replication of the practices sovereign violence emerging “from below” is generating an extremely powerful force field. This then becomes the basis for changing tactics of subjectivation and desubjectivation not only for combatants but also for society as a whole. Michel Foucault saw prospects for resistance and emancipation in this tension, but today it leads instead to the reactivation of utterly conservative practices for wielding power veiled by security discourse and the exceptional circumstances of the war on terror.

Security discourse turns external threats into internal ones and ultimately transfers social problems to a biomedical or even racial plane. And this is not a process of de-modernization but the preservation and rearrangement of modern strategies. Under these conditions, attempts to conduct a neutral analysis of new wars from the standpoint of academic expertise merely preserve the status quo. Therefore, a shift from the analysis of security discourse to the rehabilitation of lived experience and to tactics of subjectivation and the survival of individual actors seems essential. Those tactics will be the foundation of both a modern microphysics of power and of the macro-politics that still sustain the continuation of war.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-217-228

References

- Agamben G. *Homo sacer. Chto ostaetsia posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo sacer. Quel che resta di Auschwitz. L'archivio e il testimone], Moscow, Europe, 2012.
- Bigo D. Security: A Field Left Fallow. *Foucault on Politics, Security and War* (eds M. Dillon, A. Neal), New York, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 93–116.
- Dillon M. Security, Race and War. *Foucault on Politics, Security and War* (eds M. Dillon, A. Neal), New York, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 166–196.
- Duffield M. *Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security*, London, New York, Zed Books, 2001.
- Evans B., Reid J. *Resilient Life: The Art of Living Dangerously*, Cambridge, Polity Press, 2014.
- Fear: Across the Disciplines* (ed. J. Plamper), Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2012.
- Foucault M. Nitsshe, genealogiia, istoriia [Nietzsche, la généalogie, l'histoire]. *Filosofiiia epokhi postmoderna: sbornik perevodov i referatov* [Philosophy

- in the Postmodern Age: Collected Translations and Summaries], Minsk, Krasiko-print, 1996, pp. 74–97.
- Foucault M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo* [Il faut defendre la societe], Saint Petersburg, Nauka, 2005.
- Furedi F. *Culture of Fear: Risk Taking and the Morality of Low Expectation*, New York, London, Continuum, 2002.
- Kaldor M. *Novye i starye voyny. Organizovannoe nasilie v global'noi epokhu* [New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- MacLeish K. *Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*, Princeton, Princeton University Press, 2013.
- Murray W., Mansoor P. R. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*, New York, Cambridge University Press, 2012.
- Neal A.W. *Exceptionalism and the Politics of Counter-Terrorism: Liberty, Security and the War on Terror*, London, New York, Routledge, 2010.
- Nikolai F. V., Kobylin I. I. Amerikanskie trauma studies i problemy ikh tranzitivnosti v Rossii [American Trauma Studies and the Limits of Their Transitivity in Russia]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 25, no. 5, pp. 115–136.
- Peoples C., Vaughan-Williams N. *Critical Security Studies: An Introduction*, London, New York, Routledge, 2010.
- Reid J. Life Struggles: War, Discipline and Biopolitics in the Thought of Michel Foucault. *Foucault in an Age of Terror: Essays on Biopolitics and the Defence of Society* (eds S. Morton, S. Bygrave), New York, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 14–42.
- Shepherd L. *Critical Approaches to Security: An Introduction to Theories and Methods*, London, Routledge, 2013.
- Stampnitzky L. *Disciplining Terror: How Experts Invented 'Terrorism'*, Cambridge, Cambridge University Press, 2014.
- Wool Z. *After War: The Weight of Life at Walter Reed*, Durham, Duke University Press, 2015.